

Лыткин В. И., Гуляев Е. С., Краткий этимологический словарь коми языка, Москва, Наука, 1970. 386 стр.

Замечания к этимологическому словарю, которые здесь будут представлены, не следует рассматривать в качестве всесторонней рецензии, так как мы подчеркиваем прежде всего недочеты, оставляя в стороне то положительное, что само собою содержится в словаре. Рецензируемый словарь — первый опыт в своем роде. Его следует признать ценным и нужным, соответствующим настоящим потребностям финно-угорского языкознания.

Переходя непосредственно к материалам коми этимологического словаря, указываем каждый раз соответствующие страницы.

Стр. 29: «*абача* ... 'толстый, здоровенный' и т. п., коми-перм. *abatš* 'пугало, чучело' (Wiedemann) < рус., ср. *abatüca* 'настоятельница (римско-католического монастыря)' (Даль) ...». Затем следует подробное фонетическое обоснование образования коми формы *абача* из рус. *abatüca*. Далее: «В отношении значения рассматриваемых слов ('настоятельница' > 'пугало') следует отметить, что монастырское начальство среди широких кругов населения не пользовалось популярностью». В конце статьи: «Коми > хант. *vbat's'i* 'привидение ...' Коми? > иенец. *абаци* 'идол'. Между тем, иенец. *абаци* значит не 'идол', а 'пугало' (слово, которым пугают детей); по этому поводу отсылаем к словарям.¹

Что касается предложенной В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым этимологии: коми *абача* < рус. *abatüca*, то ее надо считать лежащей вне всяких исторических и лингвистических возможностей; это вряд ли требует специального обоснования, тем более что действительная этимология коми-зыр. *абача*, как и коми-пермяцких, хантыйских и ненецких данных, сюда относящихся, совершенно прозрачна.

¹ Н. М. Терешенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965 (*абаци, нэбаци*); Т. Lehtisalo, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki 1956, стр. 10. Т. Лехтисало приписывает ненецкому слову хантыйское происхождение.

Источником послужили тюркские данные, проникшие в целый ряд других языков, причем всюду достаточно точно отражена древнейшая семантика тюрк. *abačy* 'привидение, которым пугают детей; бука', что засвидетельствовано в словаре Махмуда Кашгарского (1072—1074 гг.); за подробностями отсылаем к работам тюркологов.²

Стр. 32: статья *амысь* 'лемех, сошник' ... удм. *амезь*, где говорится, что «из пермских языков слово попало в севернорусские диалекты» (рус. *омежа, омежь* 'сошник, ральник, лемех' — олон., новгор.). Далее приводится мнение М. Фасмера, сопоставляющего севернорусское слово с болгарскими и иными данными и считающего как славянские, так и пермские материалы этого рода заимствованными прямо из иранской лексики. В полемике с Фасмером авторы коми словаря заканчивают разбираемую статью неожиданной фразой: «Однако бытование русского слова на узкой территории, в прошлом пограничной с пермскими народами, заставляет нас считать более правильной первую этимологию из севернорус. *омежь*». Таким образом, вместо первоначального утверждения о том, что источником севернорусских слов являются коми данные, выставляется обратное положение.

Впрочем, здесь позволительно усомниться и в «узости территории» распространения этих русских слов, так как к севернорус. *омежь* присоединяется несомненно связанное с ним *омех*. Разумеется, мнение Фасмера о заимствовании прямо из иранских данных выглядит правдоподобнее противоречивых суждений В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева.

Стр. 74: *галэ* 'черта, кон (в игре в прятки)'. Это слово (со знаком ?) пред-

² M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki 1969, стр. 1; Древнетюркский словарь, Ленинград 1969, стр. 1. Заметим, что М. Рясänen видит истоки тюрк. *abačy* в монгольских данных.

полагается заимствованным из рус. *гало* 'снаряд для гнутья дуг, ободьев и полозьев; в сплоченных брусках вырублен круг'; *гало* 'оптическое явление в виде цветного и блестящего круга около солнца, луны или планеты'.

Что касается первого из указанных значений, то здесь рус. *гало* то же, что *гибало*;³ каким образом можно связать это слово с коми *галӧ*, представить трудно. Гало как оптическое явление — это астрономический и метеорологический специальный термин, взятый из французского языка (*halo*), мало известный и к коми *галӧ* не имеющий ни малейшего отношения.

Что касается русских (областных) лексических материалов, которые следовало здесь привлечь, то указать их нетрудно. Это *гáла* 'игра в прятки' (Олон., 1898), 'род игры' (Кирил. Новг., 1897) и ряд других, связанных с играми значений, вплоть до обозначения того, 'кто отыскивает играющих в прятки'.⁴

Естественно поставить сев.-рус. *галья* в прямую связь с коми *галӧ*, хотя вопрос о направлении заимствования остается пока открытым, тем более что названия игр распространяются весьма своеобразными путями, часто совсем неожиданными.

Стр. 133: *конь* возглас, которым подзывают телят, быка (приведено верхнеычегодское *конь-конь*, *коне-коне*); сравнивается удм. *кунян* 'теленку' и выдвигается общепермская праформа **kõñ* или **kõñ-* 'теленку'. Следует считать привлечение подзывных возгласов к этимологизации названий животных не очень действенным средством. В то же время удм. *кунян* представляет, несомненно, заимствование из тюркских или монгольских данных (ср., напр., рус. *гунан* 'теленку по третьему году', взятое из бурятского).⁵

³ По-видимому, форма *гало* получилась из **гбало*, засвидетельствованного в географических названиях с XIV—XV вв.

⁴ См. Словарь русских народных говоров, вып. 6, Ленинград 1970, стр. 123 (гáла).

⁵ См. M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, стр. 300—301. *kunap*, обозначающий теленку 1—3 лет во многих тюркских языках, имеет монгольское происхождение.

Стремление этимологизировать без наличия необходимых оснований отчетливо видно на таком примере (стр. 144): *куз* ... 'полевой хвощ (весной на полях)' ...» здесь (правда, под знаком вопроса) восстанавливается мало понятная гипотетическая форма **kusk-* < **kuks-*, а уже отсюда возникает сравнение с мар. *кокиш* 'физически недоразвитый младший сын (в сказках)'. Далее следует рассуждение о том, следует ли воспроизвести допермскую форму в виде **kksks-* или *kspes-*, что одинаково сомнительно и принято быть не может. Вообще, разыскивать праформы для узкоспециальных областных названий растений — задача неблагоприятная. Можно добавить лишь, что в данном случае и поиски решения ее поставлены на неверный путь; при этом почему-то принята во внимание только восточномарийская форма *кокиш* 'лысый', но не указано мар. лит. *күкшо* 'сухой, засохший'. Впрочем, легко было бы показать, что все это не имеет отношения к коми *куз* 'хвощ'.

Стр. 145: диал. коми *култук* 'кадык' сближается с удм. *кулыкъяны* 'икать'; восстанавливается общепермская праформа **kul-*. Весьма вероятно, однако, что два указанных слова сходны только случайно; что касается коми *култук*, то следует считать его непосредственно заимствованным из тюркских материалов — ср. тур. *култук* 'угол, заокуюл' и прочие слова этого рода, означающие в разных тюркских языках весьма разнообразные понятия — от тат. 'место под мышкой, пазуха' до туркм. 'залив, губа'.⁶ Естественно, что это могло быть применено и к кадыку.

Стр. 239: по поводу *рам* 'смирный, кроткий' отмечается, что его этимология неясна. Это слово представляет собой пример широкого распространения в совершенно различных языках, что не учтено составителями коми этимологического словаря: тур. *рам* (из перс.) 'послушный, покорный, тихий, повинующийся, подчиняющийся'; новоперс. *рам*; урду *rām* 'послушный, покорный, ручной, прирученный'; латыш. *rāms* 'смирный, кроткий, тихий, спокойный', литов. *ramus*

⁶ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 1, С.-Петербург 1905, стлб. 967.

'смирный, спокойный, мирный', *rotus* 'кроткий' и т. д.⁷

В свете этих данных ясно, что оценочный термин-характеристика, представленный коми *рам*, является отражением той широкой работорговли, которая велась в Восточной Европе и большей части Азии на протяжении многих столетий. Вероятнее всего, этот термин вошел в коми язык прямо из иранских данных⁸; время заимствования, разумеется, указать трудно.

Стр. 263: *cõneç* 'руль, кормило (лодки)' < приб.-фин. через рус., ср. фин. *sapsi, sapsa, sapsa* 'руль, кормило', эст., лив. *saps*, саам. *suøps* то же > рус. (сиб. и стар.) *coneç* 'руль, правило'. Рус. *coneç* или *canец* имело ранее более широкое распространение, по актам XVII века — на Дону и на Волге; весьма вероятно его тюркское происхождение — от тюрк. *sap* 'держалка, рукоятка'.⁹ Поэтому нельзя считать рус. *coneç* ~ *canец* заимствованным из прибалтийско-финских языков, тем более, что примеры из последних в русском переводе этимологического словаря М. Фасмера даны неверно, что воспринято В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым без поправок и с дополнительными неточностями.

В частности, фин. *sapsa* и т. п. значит не 'нос судна' (как у Фасмера) и не 'руль, кормило (лодки)' (как в коми словаре), а 'передняя лопатка животного'; только эст. диал. *saps* 'кормовое весло, руль', что, несомненно, представляет собой народно-этимологическое приспособление общезст. *saps* 'передняя лопатка животного (особенно лошади)' к рус. *со-*

neç ~ *canец* 'руль; правило' (SKES IV 972). Происхождение рус. *coneç* ~ *canец* от тюрк. *sap* 'рукоятка, держалка' подтверждается тем, что эта основа оказалась широко вошедшей в различные языки, так или иначе соприкасавшиеся с тюркскими.

Стр. 285: *туг* 'кисть, кисточка (украшение)'; здесь указываются значения слова в коми диалектах, в том числе верхневычегодском: 'лента или узкая полоса материи, вплетенная в косу', а также удм. *туг* 'кисть, бахрома'.

Сопоставления с другими финно-угорскими языками указаны под знаком вопроса и, действительно, весьма сомнительны. По-видимому, здесь следует вспомнить в первую очередь возможность заимствования из тюркских языков, ср. туркм. *tūy* 'знамя, флаг', тур. *tuş* и т. д.¹⁰ Следовало бы, конечно, определить и отношение перм. *туг* к прибалтийско-финским словам (вепс. *tuk* 'пучок волос', фин. *tukka* 'волосы', эст. *tukk* 'локон, челка, пучок волос'). Все это в словаре отсутствует. Совершенно непонятна фраза на стр. 317, относящаяся к слову *шаньга*: «Можно предполагать, что карельское слово распространялось ... из районов нынешних Вологодской и Костромской областей в места, заселенные марийцами, вятчичами (!? А. П.) и удмуртами».

Как известно, вятчичи — одно из древних восточнославянских племен, упоминаемое Начальной летописью и располагавшееся в основном по Десне с притоками (бассейн Днепра) и по Оке; после XII в. их имя из источников исчезает. По-видимому, авторы словаря имеют здесь в виду не вятчичей, а вятчан? Некоторые статьи вызывают удивление перед желанием авторов объяснить этимологически сильно различающиеся по диалектам формы слов, сводя их обязательно в единую праформу, например, *выжман* (*выжмалъ*, *выжнёнъ*, *ужнёнъ*) 'жимолость' (стр. 328—329); авторы сами отмечают «неясного происхождения», — и несмотря на это приводят ряд предположений о метатезе и явлениях народной этимологии, восстановив в конце концов искомую праформу **ūtъž*. После этого говорится, что «пред-

⁷ См. Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий I, Санкт-Петербург 1869, стр. 587; Д. А. Магазанник, Турецко-русский словарь, Москва 1931, стлб. 856; В. М. Бескровный, В. Е. Краснодембский, Урду-русский словарь, Москва 1951, стр. 358; Я. В. Лоя, Латышско-русский словарь, Москва 1946, стр. 165; Б. Серейский, Краткий литовско-русский словарь, Каунас 1948, стр. 219, 225.

⁸ Тюркское посредство не исключено, хотя термин не тюркского, а иранского происхождения.

⁹ См. М. R ä s ä n e n, указ. раб., стр. 401; А. И. Попов, О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования. — Этимология 1967, Москва 1969, стр. 125—126.

¹⁰ См. М. R ä s ä n e n, указ. раб., стр. 496. От тюрк. это слово попало и в сербский язык (*туг* 'бунчук, конский хвост').

полагаемой форме..., возможно, соответствует мар. *емыж* 'плоды, ягоды, фрукты', мокш. *имож* 'ягода', эрз. *эмеж* 'плод, ягода, овощ'; ср. также чув. *ăйăш* 'жимолость', *хăмăш* 'камыш', *йиш* 'дикий тростник' (Этим. сл. чув., 39). В результате, как видим, сравниваются слова различного происхождения, часто не имеющие между собой ничего общего и лишь отдаленно напоминающие по звучанию гипотетическую «праформу», реальное существование которой сомнительно. К тому же авторы упустили из виду, что при *йиш* в словаре В. Г. Егорова стоит помета о принадлежности к составу лексики МК, т. е. тюркского словаря Махмуда Кашгарского (XI в.), а не к чувашскому словарному запасу. Наконец, наиболее существенно здесь то обстоятельство, что упоминаемые В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым мар. *емыж*, мокш. *имож*, эрз. *эмеж* представляют собой чистейшие заимствования из тюркских языков (чув. *çimĕç* 'еда, кушанье; плоды, овощи' и т. д.).¹¹

Таким образом, вместо сколько-нибудь убедительной этимологии отвлеченные рассуждения авторов приводят в конце концов к бессодержательному сопоставлению слов разных языков, не имеющих между собой никаких внутренних связей. Все это вызвано попыткой как-то осмыслить вряд ли существовавшую искусственно восстановленную праформу, соответствия которой в других языках бесполезно искать.

На стр. 68—69 (*ăсăв*), 203 (*озысь*), 331—332 (*эзысь*) находим соображения, связанные с этимологией пермских названий некоторых металлов. Их нельзя назвать убедительными — в значительной части они, несомненно, ошибочны, а в некоторых отношениях материалы, представленные в указанных статьях, не полны и не точны. Заметим, в частности, что удм. *весь* означает 'бусы', а не 'жемчужина, перл' (стр. 68. 331 со ссылкой на исследование Ю. Вихманна, обработанное Т. Утилла); неточность возникла в результате русской передачи нем. *Perle*, неправильно примененного еще Ф. Виде-

маном к удм. *весь* 'бусы', первоначально означавшему, быть может, женское украшение вообще, но отнюдь не жемчуг.¹²

Неприемлемо и предположение (стр. 203), что первый компонент *оз-* в *озысь* 'олово' означал 'красный, цветной', основанное только на созвучии с коми *оз* 'земляника'.

Почти то же повторено на стр. 331 по отношению к *эз-* в *эзысь* 'серебро', для которого предложено значение 'цветной, белый, металлический' также без серьезных оснований (непонятно даже, каким образом можно объединить признаки цветной и белый). По-видимому, здесь авторы словаря испытали влияние одного ошибочного высказывания Б. Мункачи о встречающемся в удмуртском фольклоре непонятном слове *aziz*, которое он с помощью толмача интерпретировал следующим образом: *az* 'очень крепкий, совершенно белый камень', *iz* 'камень'. Отсюда Ю. Вихманн заключил, что *az* первоначально означало просто 'белый', а затем перешел к толкованию удм. *азысь* 'серебро'. Между тем, это неверно: удм. *aziz* встречается в фольклоре только в сочетаниях *Азиз-гурезь* и *Азиз-кун* и представляет собой заимствованное из тюркских языков слово арабского происхождения *aziz* 'дорогой, милый; уважаемый, ценный; великий, святой', часто употребляемое в качестве имени собственного.¹³ Поэтому *Азиз-гурезь* должно значить 'гора Азиза', а *Азиз-кун* 'Азиз-хан' (или 'Азизово царство', так как совр. удм. *кун* 'государство'), т. е. *аз-* никак нельзя толковать в смысле, указанном Б. Мункачи и развитом Ю. Вихманном. Разумеется, невозможно согласиться и с окончательными выводами В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева о том, что венг. *ezüst* и осет. *ævist* 'серебро' заимствованы из коми языка (стр. 332). Направление заимствований было, как следует полагать, с

¹² Ср. удм. *кивесь* 'браслет из бус', *гуривесь* 'ожерелье, бусы', *чигвесь* 'монисто (из монет)', *чыртывесь* (*чыртыкыч*) то же и ряд других сложных слов, совершенно прозрачных по смыслу, но не дающих повода приписать удм. *весь* значение 'жемчуг', как и значение 'металл'.

¹³ См. М. R ä s ä n e n, указ. раб., стр. 33; Y. W i c h m a n n, Die verwandten des finnisch-ugrischen Sprachens (syrischen und wotjakischen). — JSFOu XVI, 1899, стр. 5.

¹¹ См. В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964, стр. 214; М. R ä s ä n e n, указ. раб., стр. 197.

юга на север, а не так, как считают авторы коми этимологического словаря.¹⁴ Богатые археологические материалы неоспоримо свидетельствуют о том, что огромный поток ценных металлических вещей издавна шел от Черноморского побережья, южных степей, Кавказа и Ирана на север, а не наоборот.¹⁵ Заметим, наконец, что вряд ли уместно в этимологическом словаре делать попутные замечания такого рода, как на стр. 331 относительно все того же предполагаемого **ez*- < **āz*-: «не заимствовано ли это слово из и.-е. (= индоевропейских языков), ср. нем. *Eisen* 'железо'?» В этом совершенно случайном замечании почему-то приведена новонемецкая форма, а не древневерхнемецкая *isa(r)n*, англо-саксонская *iscrn* и т. п. Как можно связать эти данные с гипотетическим **ez*-, **āz*-, остается совершенно неясным и в фонетическом и в семантическом отношении.

Наряду с привлечением такого побочного материала, как коми *восьь* 'милый, милая', авторы не высказались о некоторых мансийских и хантыйских элементах лексики, которые с известным основанием можно было бы привлечь: манс. *ves* 'красота'; *vesin*, *vespa* 'красивый', *veskat* 'правда, истина';¹⁶ хант. *weś* 'Gestalt;

¹⁴ См. А. И. Попов, К этимологии названий некоторых металлов в финно-угорских языках. — СФУ VI 1970, стр. 249—252.

¹⁵ Кроме того, следует напомнить об отсутствии месторождений серебра на северо-востоке Европейской части СССР, тогда как на Кавказе — в Осетии — с давних пор известны серебряно-свинцовые рудники.

¹⁶ В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова, Краткий мансийско-русский словарь, Москва—Ленинград 1936, стр. 108.

Aussehen'.¹⁷ Здесь же следовало рассмотреть и коми *веськыд* 'прямой, правдивый, честный, правый, истинный', удм. *весь-весь*, *веськыт* 'стройный' и т. п. данные, которым в этимологическом словаре отведено место на стр. 53—54 без указания на возможности иных связей. Мы, конечно, не утверждаем, что подобные связи существуют в генетическом смысле, но народно-этимологические соприкосновения могли найти свое отражение. Это следовало рассмотреть ввиду наличия таких соседних явлений, как двойственность ненец. *ненэй* 1) 'настоящий, подлинный, истинный' и 2) 'серебро'; *ненэся* 'правда, правдивый'¹⁸ и т. п. Можно было бы добавить еще несколько замечаний к этим материалам.

Во всяком случае, следует сказать, что статьи, касающиеся названий металлов, вообще не принадлежат к числу удачных (сюда следует отнестись попытку расшифровать слово *широе* 'свинец'¹⁹ — см. стр. 319—320 — крайне натянутую и противоречивую).

Несмотря на недочеты (многих из них, особенно мелких небрежностей, мы здесь не касались), следует признать рассматриваемую книгу полезной; можно надеяться, что ее содержание будет в дальнейшем усовершенствовано и расширено.

¹⁷ W. Steinitz, Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis, Leipzig 1950, стр. 166.

¹⁸ Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, стр. 299—300.

¹⁹ Оно известно из записей XVIII в. (акад. И. Лепехин).

А. И. ПОПОВ (Ленинград)

Csúcs Sándor, A votják nyelv orosz jövevényszavai I. — NyK LXXII 2 1970, стр. 323—362; II. — NyK LXXIV 1 1972, стр. 27—47.

Изучение пермских языков, в частности удмуртского, имеет в Венгрии давнюю традицию. Нам, удмуртским языковедам, отродно знать, что интерес венгерских филологов к пермским языкам не ослабевает. Свидетельствует об этом и исследование Шандором Чучем русских заимствований в удмуртском языке.

Выбор темы молодым языковедом далеко не случаен. Он в некоторой степени обусловлен большими достижениями венгерского языкознания в области изучения исторической лексикологии венгерского и других финно-угорских языков, о чем говорят издания фундаментальных этимологических словарей венгерского языка,